

А. Ф. ШУТОВ (Ижевск)

ПЕРВЫМ УДМУРТСКИМ КНИГАМ — 150 ЛЕТ

Попытка создать письменность на языках народов Волго-Камья была предпринята после присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству. Во второй половине XVI века архиепископ Гурий Казанский учредил школы, где учились дети новокрещенных инородцев, для которых составлялись даже азбуки.

Однако письменных памятников того времени не сохранилось. Имеющиеся ранние письменные памятники относятся к XVIII веку (см. Тепляшина 1966). Просветительское движение шло параллельно с христианизацией нерусских народностей. Началась и работа по переводу религиозной литературы на языки, носителями которых были учащиеся-инородцы духовной семинарии, появилась необходимость написания грамматик, составления словарей.

В 1775 году при активном участии знатока классических языков В. Пуцек-Григоровича, руководителя Казанской духовной семинарии и новокрещенской школы, в Казани была создана и издана первая грамматика удмуртского (параллельно чувашского и марийского) языка «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка», являются рукописные удмуртская грамматика (1780) и удмуртско-русский словарь Захария Кротова (1785). К тому же периоду относятся исследовательские труды видных российских ученых П. С. Палласа, Г. Ф. Миллера, Й. Страленберга и других, в которых зафиксированы некоторые лексические материалы. Создавались и первые произведения на удмуртском языке: четверостишие (1769) и десятистишие (1781) в честь императрицы Екатерины, молитва «Отче наш» (1806).

В XIX веке шла усиленная христианизация инородцев Поволжья, на их языки переводились молитвенники, Евангелие и иная религиозная литература. Появилась потребность и в букварях, словарях, грамматиках и других учебных пособиях, так как в духовных семинариях наряду с богослужебными дисциплинами учащимся-инородцам начинали преподавать их родные языки.

Первыми удмуртскими книгами, в которые вошли и значительные тексты на удмуртском языке, являются два переводных Евангелия и две «Азбуки», изданные на глазовском и сарапульском наречиях в 1847 году в Казани. «Азбука, составленная изъ российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ для обученія вотскихъ дѣтей чтению на ихъ наречии» (177 с.) на глазовском наречии составлена священником Григорием Решетниковым, а на сарапульском — Иваном Анисимовым. В начале «Азбуки» приведен алфавит из заглавных и строчных (церковнославянских и русских) букв, слоги из двух-трех букв, далее удмуртские слова, состоящие из одного, двух, трех и более слогов, а в конце книги — спряжение, наклонение и временные формы глаголов удмуртского языка. Основную часть «Азбук» составляют сокращенные переводы «Священной истории» и катехизиса.

Активно используя материал переведенного на удмуртский язык Евангелия, академик Ф. И. Видеман подготовил и в 1851 году на немецком языке опубликовал грамматику удмуртского языка (Wiedemann 1851), которая по сравнению с первой удмурт-

ской грамматики 1775 года является подлинно научной. Можно представить себе, как полно и качественно мог бы описать грамматический строй удмуртского языка талантливый ученый, если бы располагал удмуртскими оригинальными текстами — такими текстами, которые чуть позднее появились в работах Б. Г. Гаврилова, Н. Первухина, Т. Г. Аминоффа, Б. Мункачи, Ю. Вихманна и других.

В предисловии к грамматике Ф. И. Видеман пишет, что в архиве Русского библейского общества г. Вятки имеются переведенные на удмуртский язык четыре рукописных Евангелия и что их копии доставил ему академик А. И. Шёгрэн. Далее он отмечает: не все переводы одинаково надежны и пригодны, рукопись Евангелия от Луки неполная, однако первые две уже переписаны набело. Ф. И. Видеман называет и авторов перевода: Евангелие от Матфея на удмуртский язык перевел Иван Анисимов из Елабужского уезда, а от Марка — Афонасий Шкляев из Глазовского уезда, помогал также удмуртский купец И. Волков.

Как отмечают исследователи, в работе над переводом Евангелия принимали участие и другие священники из разных мест удмуртской земли: Н. Невоструев (Укан), С. Анисимов (Балезино), З. Кротов (Елово), П. Тронин (Дебессы). Таким образом, указанные переводы — это в определенной мере результат коллективного труда. Сделаны они в основном в 1819—1823 годы. И только в 1847 году отдельными книгами изданы Евангелие от Матфея на сарапульском наречии (234 с.) и Евангелие от Матфея и Марка на глазовском наречии (234 + 135 с.).

Анализ текстов оригинала (на церковнославянском / древнерусском языке) и удмуртских переводов свидетельствует о следующем. Переводы максимально приближены к оригиналам, т.е. предложения очень часто переведены «дословно» с соблюдением порядка слов оригинала, с использованием моделей русских конструкций, с поиском удмуртских калек для русских союзов. Порядок слов оригинала особенно чувствуется в притяжательных конструкциях, в которых часто отсутствует необходимый притяжательный суффикс при «обладаемом», и дееспричастных оборотах (обозначим с использованием современной графики): *бечеос но солэн 'и братья его', куннослы но солэн 'и гостям его', улэмлы адямюслэн 'жизни людей'; лыктыса но дышетскисьёс доре 'и подойдя к ученикам', учкыса соос вылэ 'посмотрев на них'*. Правильно: *солэн бечеосыз но, солэн кунносызлы но, адямюслэн улэмзылы; дышетскисьёс доры лыктыса, соос вылэ учкыса*.

Поскольку переводы являются плодом, можно сказать, коллективного труда с дальнейшей апробацией их в удмуртских церквях, то в текстах появилась некоторая «обработанность» и «нормированность». В Евангелии, изданном на глазовском наречии, встречаются некоторые южноудмуртские элементы, и, наоборот, в Евангелии на сарапульском наречии — северноудмуртские. Таким образом, в этих книгах уже наметились зачатки удмуртского литературного языка.

Так как указанные переводы Евангелия и «Азбука» являются первыми книгами, содержащими удмуртские тексты и предложения, их нельзя упускать из виду при исследовании синтаксического (грамматического) строя удмуртского языка. Однако исследователь должен учитывать при этом нарушения порядка слов и другие искажения удмуртского языка, допущенные переводчиками.

В некоторых послереволюционных удмуртских грамматиках имела место попытка без всяких на то оснований отрицать наличие в удмуртском языке сложноподчиненных предложений. Отчасти это объяснялось существовавшей тогда теорией сокращенных придаточных. Анализ текстов указанных книг полностью опровергает утверждения авторов этих грамматик. Так, в Евангелии от Матфея, изданном на сарапульском наречии удмуртского языка, употреблено 383 сложноподчиненных предложения с различными придаточными (обстоятельными — 224, изъяснительными — 71, определительными — 66, местоименно-соотносительными — 22) и 188 оборотов, функционально соответствующих различным придаточным. В Евангелии от Марка на глазовском наречии встречается 283 придаточных и 107 оборотов, в глазовской «Азбуке» — 179 придаточных и 74 оборота.

Почему же в этих книгах так мало оборотов, которые довольно богато представлены в современном удмуртском языке? Дело в том, что переводчики стремились придаточное

предложение в оригинале перевести непременно придаточным же, стараясь подобрать соответствующие союзы и союзные слова. Следует отметить удачное использование древнеудмуртских союзов *ке* 'если', *ке но* 'хотя', в некоторых случаях *шуыса* 'что, чтобы', *дырья* 'в то время как' и многих союзных слов. Употребленные в функции союза *бен* (*бон*), *бык*, *соин что*, *со понна что* (в придаточных причины) и *сокем что* (в придаточных степени, следствия) в современном литературном языке не встречаются. Вместо русского *чтобы* часто использована удмуртская частица *мед/медаз* 'пусть, пусть не' и реже — современный союз *шуыса* 'что, чтобы'. В переведенных на глазовское наречие Евангелии и «Азбуке» для связи придаточного изъяснительного с главным предложением часто употреблен русский союз *что* и очень редко союз *шуыса* 'что, чтобы'.

Так как Евангелие от Матфея издано на двух наречиях, переводы представляют большой интерес с точки зрения лексических параллелей, тем более что в сарапульском варианте в скобках часто указываются соответствующие слова глазовского наречия: *анай* (*муми*) 'мать', *ангел* (*воршуд*) 'ангел', *атай* (*ай*) 'отец', *алдам* (*пöяськем*) 'обманул', *зудыны* (*йöнзэ ыштыны*) 'затрудниться, растеряться' и др.

Следует полагать, что исследователи истории удмуртского языка еще не раз обратятся к указанным памятникам письменности, ведь и историки русского языка не обходятся без Остромирова и других переводов Евангелия.

Отмечая роль двух вариантов Евангелия и двух «Азбук», изданных в 1847 году, следует подчеркнуть: 1) это первые значительные по объему письменные памятники удмуртского языка; 2) язык этих книг послужил основой для удмуртского литературного языка; 3) на языковом материале Евангелия (в том числе рукописей) академику Ф. И. Видеману удалось создать в 1852 году первую научную грамматику удмуртского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Т е п л я ш и н а Т. И. 1966, Памятники удмуртской письменности XVIII века I, Москва.
 W i e d e m a n n, F. J. 1851, Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche, Reval.